Глава 452: Небесное Дао течет на запад

Было неизвестно, смог ли Чжоу Тун увидеть промежуток времени на теле Чэнь Чаншэна, но он в настоящее время смотрел на Свиток Времени в своих руках.

Свиток Времени также имел название ‘Канон текущего запада’ и был одним из наиболее важных писаний Ортодоксии. Вместе с этим, это также было наиболее глубокой и заумной классикой Даосских Канонов. ‘Течение реки, двигающейся на запад, не могло быть замедлено’ было смыслом его имени и давало отчет тонких наблюдений Дао касательно времени. Прежде, чем он умер, Мэй Лиша не забыл прочитать это Даосское писание - что это значило?

Пока Чжоу Тун смотрел на таинственные и непознаваемые слова Канона Текучего Запада, он молча раздумывал над этим вопросом.

Священник Синь продолжал описывать то, что произошло в комнате, наполненной цветениями слив: «Он сказал, что Директор Шан - действительно выдающийся человек».

Чжоу Тун сузил глаза и его взгляд вдруг стал холодным и острым. Человек на грани смерти говорил правду. Такой экстраординарный священник, как Мэй Лиша, давным-давно стал равнодушным к мысли смерти. Почему перед своей смертью он читал это Даосское писание, почему он вдруг упомянул человека, который скрылся на много лет?

Священник Синь замер на миг, а затем вспомнил последний эмоциональный вздох архиепископа: «Ему было очень интересно узнать, как Даосские Каноны запишут жизнь следующего Попа».

Брови Чжоу Туна подпрыгнули. В тихой комнате не было ветра, но его красное одеяние служащего начало развеваться, как будто море крови пришло в мир.

Внешний вид происходил от состояния разума человека. Этот феномен указывал на то, какое сильное давление на разум принес пересказ Священника Синь - потому что по этим словам и этой книге он мог смутно видеть зацепку.

Следующий Поп? Весь континент знал, что если не произойдет ничего из ряда вон выходящего, следующий Поп Ортодоксии неизбежно будет Чэнь Чаншэном. Мэй Лиша был самым ярым покровителем этого дела, так что он, естественно, не будет думать о ком-то еще. Тогда почему ему было интересно, как будет записана жизнь Чэнь Чаншэна? Почему он думал, что это дело было настолько интересным? Или может быть, он верил, что в анналах истории определенно будет выражен другой взгляд? И какое же дело будет отличаться? Что было самой важной вещью в мире? Способствовать великому делу или культивировать и жить праведной жизнью?

Роба Чжоу Туна стала развеваться еще сильнее, и в комнате начала ощущаться вонь крови. Море крови было покрыто чудовищными волнами, как и его текущее эмоциональное состояние.

Лицо Священника Синь было мертвенно бледным. Он почти не мог справляться с этим ужасающим давлением, но также не смел отступать.

Вдруг все давление исчезло без следа, и брови Чжоу Туна вновь вернулись в исходное положение. Его взгляд уже не был острым, и его одеяние вновь тихо покрывало его тело. На его лице появилась непостижимая улыбка.

«Ты знаешь, что самое важное в жизни человека?»

«Самое важное?» - Священник Синь не понимал, почему лорд вдруг задал подобный вопрос.

Улыбка на лице Чжоу Туна становилась все более искренней, как расцветающий цветок. Однако, если сравнить это с его коварной аурой, это лишь делало всю картину все более причудливой.

«Наиболее важная вещь в жизни человека - не уровень, до которого он культивировал, и не сила и символы власти, а скорее... даты рождения и смерти». Он подошел к двери и посмотрел на две яблони-китайки, слушая звуки колес повозки, уносящийся вдаль: «Будь это писания Ортодоксии или анналы истории, чтобы записать жизнь человека, первое, что надо уточнить, а также первые слова, которые должны быть записаны, это год и месяц рождения, а также место рождения. Лишь подтвердив эти части информации, мы сможем подтвердить, кто есть кто из людей».

Священник Синь шел сзади, не зная, как ответить. Он мог смутно ощущать, что хоть Чжоу Тун и казался очень спокойным на поверхности, он особенно сильно нервничал внутри.

Какие слова или дела могли произойти, чтобы такая ужасающая личность, как Чжоу Тун, начала нервничать?

«Цветения яблонь-китаек уже начали увядать, а тюрьма обладала божественной мощью. Он стоял среди них, и все же был неподвижным, как озеро».

Глаза Чжоу Туна вновь сузились, только в этот раз его взгляд не был острым, как меч. Скорее, он был наполнен недоумением и некоторого рода беспокойством, которое даже он сам не мог осознать.

Священник Синь тоже хотел знать: лорд соркестрировал такую большую сцену, но кроме разъяснения мотивов нескольких могущественных лиц, смог ли он преуспеть в своей наиболее важной цели? Чжоу Тун хотел увидеть, что за человеком был Чэнь Чаншэн, но также можно было сказать, он хотел увидеть, какой личностью был юноша. Но обычно фраза звучала ‘неподвижный как гора’, так почему он назвал Чэнь Чаншэна неподвижным, как озеро?

«Он очень похож на одного человека». На лице Чжоу Туна вдруг появился след страха: «Он очень похож на человека, описанного в тайных записях во дворце, Чэнь Сюаньбу».

Священник Синь был в смятении. В записях и легендах простого народа Чэнь Сюаньба был сильнейшим экспертом Имперского клана Чэнь за последнюю тысячу лет, наравне с Императором Тайцзуном. Он всегда обладал свирепой и грубой репутацией, так в каком аспекте он был поход на Чэнь Чаншэна? И почему он должен был сказать, что это был Чэнь Сюаньба из тайных записей дворца? Его Превосходительство определенно имел возможность получить доступ к записям высшей секретности во дворце. Возможно, Чэнь Сюаньба, описанный там, отличался от Чэнь Сюаньбы, о котором говорили легенды?

«Наш великий Император Тайцзун переписал историю и даосские писания, которые смог изменить, так что Чэнь Сюаньба, естественно, стал грубым воителем, у которого не было идеи об общей ситуации, и который не мог видеть большей картины. Никто бы не подумал, что истинный Чэнь Сюаньба в действительности был очень тихим человеком», - сказал Чжоу Тун с чувством презрения.

Священник Синь подумал, что эти две фразы комментариев были очень знакомыми, а затем он вспомнил такую же оценку, которую архиепископ не так давно дал Чэнь Чаншэну.

После мгновения молчания Чжоу Тун сказал: «Чэнь Чаншэн - тоже очень тихий человек».

У ‘тихий’ здесь было очень много значений. Например, когда говорить не было обязательно, человек не говорил. Или когда слова были неуклюжими, действия - острыми, а сердце - спокойным. Или при столкновении с какой-то монументальной задачей у человека было спокойное чувство.

Маленький двор был окутан молчанием на очень долгое время.

Наконец, Чжоу Тун сказал: «К тому же, у него тоже фамилия Чэнь».

Священник Синь ушел, покидая аллею Северного Военного Департамента с невероятным давлением и беспокойством на уме. Это давление никак не было связано с его двумя идентичностями, а скорее с той частью информации, которая неуловимо была слышна в словах Чжоу Туна. Мог ли Чэнь Чаншэн действительно быть наследником Имперского клана?

Он не смел думать над этим, и тем более копать глубже, потому что было совершенно очевидно, что даже Лорд Чжоу Тун нервничал об этом деле.

Чжоу Тун действительно сильно нервничал, потому что он знал больше, чем Священник Синь, и из-за его статуса и идентичности ему требовалось думать и разъяснять эти заботы.

Он стоял на каменных ступеньках маленького двора, глядя на те яблони-китайки, на которых уже совершенно отсутствовали цветения. В течение времени, которое казалось вечностью, он молча стоял в раздумьях, не беспокоясь о волнениях, приходящих из-за двора.

Прежде, чем Мэй Лиша умер, он сказал, что предатель Шан был действительно выдающимся человеком.

Прежде, чем Мэй Лиша умер, он читал Канон Текучего Запада, читая о том, что время было подобно воде.

Да, предатель Шан мог помочь Императрице пойти против небес и изменить судьбу. Задержать рост младенца на четыре года, чего это для него стоило?

Возможно, Чэнь Чаншэн просто был зрелым юношей? Но быть таким скучным и мрачным, быть настолько зрелым, мог ли он действительно быть шестнадцатилетним юношей?

В действительности, возраст ученика, которого предатель Шан взял с собой из Деревни Синин, совпадал. Более того, говорят, что он был калекой и немым, что очень хорошо совпадало с тем, о чем говорили слухи.

Но это было слишком подозрительным, слишком точным, и поэтому этому нельзя было доверять.

Возможно, тот ученик был использован, как метод скрыться от Небесного Дао?

Возможно, у настоящего давным-давно была подправлена эссенция жизни предателем Шаном через Канон Текучего Запада?

Чжоу Туну показалось, что его тело стало еще холоднее.

Он знал, что главный евнух, наиболее любимый Императрицей, в последние несколько месяцев проверял старое дело во дворце.

То, что Императрица не позволила ему делать этого, не значило, что она не доверяла ему, а скорее указывало на то, что Императрица не хотела, чтобы кто-то еще знал об этом деле.

Наследный Принц Чжаомин действительно может быть жив.

Если Императрица действительно пошла против небес и изменила судьбу, и это действительно было описано так, как в слухах, то цена, которую она заплатила за это, была гораздо более ужасной, чем могли представить обычные люди.

Ей было суждено не иметь сыновей и внуков, а ее род будет полностью истреблен. Лишь таким образом она сможет стать человеком, который действительно был отрезан от других.

Если Наследный Принц Чжаомин все еще жил, это указывало на то, что изменение судьбы Императрицы не было полностью завершено!

Это по крайней мере указывало на то, что в изменении судьбы Императрицы все еще была слабость.

Если все это было правдой.

То не должно ли существование Наследного Принца Чжаомина быть уничтожено, чтобы все вернулось к состоянию покоя?

Чжоу Туну показалось, что температура во дворе падала с каждой секундой. Сейчас, очевидно, было начало лета, но почему-то чувствовалось, что двор был в объятьях горькой зимы.

Даже он, кого можно считать самым кровожадным из всех, когда думал об этих историях прошлого и истории, которая могла иметь место, не мог не думать, что это было слишком жестоко.

И все же, почему эти люди отправили Чэнь Чаншэна в столицу? Они думали, что смогут вечно скрывать это от Императрицы? Скрыть от меня?

Лицо Чжоу Туна стало невероятно жутким. Он осознал, что в этой загадке было много вещей, которые было невозможно подтвердить в данное время.

Божественная Императрица стояла на Платформе Росы, глядя в небо.

Небо было лазурным во время раннего утра. Позже произошла битва перед Ортодоксальной Академией и повозка направилась к Департаменту для Очищения Чиновников. Из какого-то места появилось облако, и небо стало серым и мрачным. Казалось, что серое небо хотело скрыть всю правду, но разве оно обладало силой загородить ее взгляд?

Подавляющее большинство людей считало, что во время дня было невозможно увидеть звезды, но она могла. Только вот ей не нравилось смотреть на звезды днем, потому что это заставляло ее вспоминать Императора Сянь, вспоминать Императора Тайцзуна, и вспоминать многих других людей с фамилией ‘Чэнь’. Теперь, когда она смотрела вверх на него, это было именно потому, что она думала о ком-то с фамилией ‘Чэнь’… юноше.

Она знала, что Чжоу Тун догадывался о чем-то, проверил что-то, и начал подозревать, впоследствии вызвав сегодняшние волнения в столице.

Ее не беспокоило это, и тем более она не разозлилась, потому что все еще было много вещей, в

которых она сама не была уверена.

Звезды днем были скрыты сиянием солнца, но их позиции вовсе не отличались от времени ночью.

Она спокойно смотрела на звезду, которая была ее собственной Звездой Судьбы, той звездой, которая была самой яркой на небе. Она спокойно вспоминала, как несколько столетий назад использовала невообразимую силу, чтобы изменить расположение этой звезды, вместе с этим изменив ее яркость. Совместно с этим бесчисленные звезды вокруг нее тоже начали меняться.

Изменение судьбы одного человека постепенно заденет бесчисленных других, даже судьбу целого мира.

Даже бабочка, дважды махнувшая крыльями, могла вызвать бурю на Великом Западном Континенте, что уж тогда говорить о гордом расположении себя в облаках вверху.

Но, с этими всеми судьбами, собранными вместе, что за сила решала это? Было ли это Небесное Дао?

Если Чжаомин действительно все еще был жив, какое возмездие придет к ней от Небесного Дао?

Если Чжаомин действительно не умер тогда, какое возмездие пошлет Небесное Дао?

Несколько столетий назад, когда она предложила жертву звездам, она направила гневную и суровую критику к Небесному Дао. Тогда ее гнев был из-за отчаяния и горя, и она не держала любви или ненависти к миру. Более того, она была настолько могущественной, что даже Небесное Дао не смело смотреть ей прямо в глаза.

Но она не могла представить, что Чжаомин действительно родится.

С того момента она знала, что ей придется прямо столкнуться с Небесным Дао, но прежде, чем у нее появилось время что-то предпринять, Небесное Дао бесшумно исчезло, отступив в темноту.

Пока в последнем году на Ортодоксальную Академию не упало сияние звезды и человек не зажег свою Звезду Судьбы.

Небесное Дао, как казалось, пришло найти ее.

Звезда Судьбы действительно могла стать гибельной звездой ее судьбы.

http://tl.rulate.ru/book/1222/119625